

Дуйшеева Р.К.

**НАЦИОНАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВО В
УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ**

Мақала жаһандандудың қазіргі кездегі теорияларын әлеуметтік-саяси құбылыс ретінде сараптауға арналған. Автор саяси жаһандандуды ұлттық мемлекеттердің егемендігіне әсер ететін саяси үстемдіктің таралу үдерісі тұрғысынан қарастырады.

Given article is devoted to the analysis of modern theories of globalization as sociopolitical phenomenon. In article the special place is taken away to the analysis of political globalization as process of distribution of the political domination influencing the sovereignty of the national state.

Большинство исследователей проблем глобализации представляют ее как процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни - от культурной до криминальной, от финансовой до духовной. Глобализация изменившая капиталистический мир стала эффективной и необратимой. Экономические отношения становятся все менее зависимыми от политического контроля и что национальное государство приходит в упадок. Собственно, эти тезисы представляют собой общие положения неолиберальной теории. Вместе с глобальным рынком и глобальным кругооборотом производства возникает и глобальный порядок – новая логика и структура управления, то есть новый вид суверенитета. Американский литератор-туровед М. Хардт и итальянский философ А. Негри, анализируя новый мировой порядок глобализации, ввели понятие “Империя”, означающее универсальный порядок, не знающий границ и пределов. Слабеющий суверенитет национальных государств и их возрастающая неспособность к регулированию экономических, политических, культурных отношений являются фактически одним из важнейших признаков становления Империи [1.24].

В рассуждениях Хардта и Негри есть, конечно, своя логика, причем глубоко идеологическая. Приняв за абсолютную истину неолиберальную теорию глобализации, они, однако, не хотят примириться с властью капитала. На этой основе они формулируют собственные выводы и даже свою программу борьбы, которая отвечает новой реальности и новым правилам. Империя есть лишь политическое воплощение новой реальности. Если нет больше национального государства, если рынок и капитализм глобален, а национальные и региональные рынки остаются не более чем пережитками прошлого, должна же власть капитала иметь какую-то «поли-

тическую надстройку»? Если мы ее не видим, значит, она просто невидима. Но все признаваемые авторами за истину экономические и социальные теории указывают на необходимость существования суверенитета национального государства.

Вполне очевидным считается, что без глубокого анализа и достаточно ясного понимания современных процессов глобализации трудно рассчитывать на успешное преодоление вызванных ею проблем. В настоящее время для переделки мира принято выделять два подхода, имеющие место на Западе: гиперглобалистский и трансформационный. Довольно полную их систематизацию провел российский политолог А.И. Уткин [2.167].

Гиперглобалисты представляет глобализацию будущего как фундаментальную реконфигурацию «всей системы человеческих действий». Они делают вывод о том, что в мире главенствующей становится экономическая логика в ее неолиберальном варианте. Происходит своего рода денационализация экономики посредством создания транснациональных сетей производства, торговли и финансов. В этой экономике «без границ» национальные правительства становятся простой прокладкой между постоянно растущими отраслями индустрии. Создаются новые формы социальной организации, заменяющие нации-государства.

Сторонники трансформационного подхода считают, что современная форма глобализации – это мощная, трансформирующая мир сила, ответственная за массовую революционную перетряску обществ, экономик, за изменение форм правления и всего мирового порядка. Она разрушает различия между отечественными и иностранными, между внутренними и внешними проблемами.

Глобализация ассоциируется у них с формированием новой мировой стратификации, когда некоторые страны прочно войдут в центр мирового развития, в то время как другие страны безнадежно маргинализируются. Но при явном разрыве одних стран от других не будет деления на «первый» и «третий» миры, оно будет более сложным. По существу все три мира будут присутствовать почти в каждом большом городе в качестве «трех окружностей» - богатые, согласные существующим порядком и выброшенные на обочину [3.8-9].

Таким образом, традиционные концепции государственности изменяются. Мировой порядок уже не вращается вокруг оси суверенного государства. Это принуждает правительства суверенных государств вырабатывать новую стратегию в мире.

Глобализация сопровождается определенным ослаблением роли государства в политико-экономической структуре всемирного сообщества. Оно стало чувствовать себя всего лишь одним из действующих лиц сферы международных отношений, а отнюдь не всесильным монополистом. Наряду с традиционными субъектами международных отношений появляются новые действующие лица и структуры. В ряде случаев эти структуры способны перехватывать у государства выполнение социальных, военно-полицейских, арбитражных функций, и такой перехват может отвечать сиюминутным текущим интересами логике процессов глобализации.

Даже на своей собственной территории государство перестает быть единственным субъектом, которому дозволено осуществлять законное принуждение ради сохранения общественного порядка. Из его рук уходят регулирование прав человека, экологическая политика, финансовая регламентация.

В эпоху глобализации государство начинает претерпевать огромные изменения. В связи с этим, обращает на себя внимание типология государств, предложенная английским политиком Робертом Купером. Согласно ей, в современном мире выделяются три типа государств:

1. *«Пост-современные»* - преимущественно развитые западные страны. Это постиндустриальные страны Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии, активно участвующие в процесс глобализации в разных уголках земного шара. Эти

страны объединены между собой единым высокотехнологичным «кодом», позволяющим успешно решать задачи экономического, политического и социального развития. В большинстве из них господствуют принципы либеральной буржуазной демократии. Эта группа включает в себя лишь пятую часть человечества, но владеет основными рычагами влияния на сферы мирового развития.

2. «Современные» или традиционные государства-нации, главным образом незападные страны, еще не достаточно вовлеченные в процесс глобализации и избирающие военные методы как преимущественное средство разрешения потенциальных конфликтов (представлены в основном в Азии). Ко второй группе относятся государства мира, сумевшие создать за последние 20-30 лет на своей территории своего рода анклав глобализации. В то же время, этим островкам глобализации противостоит огромный мир традиционного общества, продолжающего определять ориентиры внутренней и внешней политики. Внутренние конфликты между различными составляющими этих государств приводят к тому, что в них с регулярной периодичностью происходят социально-экономические и политические кризисы, отражающие противоборство двух доминант их развития. По мнению Купера, к этой группе государств относится большинство стран Восточной Европы, Юго-Восточной и Юго-Западной Азии и Латинской Америки.

3. «До-современные» или *предсовременные*, т.е. находящиеся на пути к созданию государства-нации, и имеющие выраженную тенденцию к распаду. В этой группе наблюдается полное преобладание традиционалистских тенденций, направленных на автаркийное развитие и самоизоляция от мировых процессов. Национализм тоже постоянно подвергает все структуры этих государств испытаниям на прочность. В связи с этим решение реальных экономических и политических проблем отходит на второй план. В эту группу можно отнести некоторые государства Африки, Южной и Юго-Западной Азии, Латинской Америки [4.84].

Исходя из этого, можно проследить, что различные государства в разной степени овладевают суверенитетом различных типов. Например, *досовременные* государства обладают негативным, формальным суверенитетом, однако их позитивный суверенитет в значительной степени ограничен. Его можно считать квази-государством, поскольку государственные институты в нем слабы и не способны к непосредственному монопольному контролю над аппаратом насилия. Для *предсовременных* государств характерны в основном внутренние конфликты. Процессы демократизации, вызванные отчасти неравномерной глобализацией и окончанием «холодной войны», стимулируют здесь новые внутренние конфликты между классами и группами. *Современное* государство в большей степени отвечает традиционным представлениям о национальном суверенитете. Его суверенитет носит позитивный характер, оно имеет национальную индустриализированную экономику. Типичными примерами современного государства являются Япония и США. Отношения между современными государствами могут при этом содержать существенные элементы сотрудничества и институционализации. *Постсовременное* государство – это иной феномен. Здесь сам священный принцип современного государства – суверенитет, обеспечивающий защиту от вторжения, – утрачивает свое прежнее значение. Постсовременные государства допускают вмешательство извне в свои внутренние дела, поскольку они получают нечто взамен, а именно: влияние на супранациональном уровне правления [5.100-101].

Существует широко распространенное мнение, что глобализация ведет к утрате политической власти и влияния национальными государствами, которые, согласно формуле профессора Гарвардского университета Дэниела Белла, «...становится слишком маленьким для больших житейских проблем и слишком большим – для маленьких». Наиболее радикальные адепты глобализации даже называют нации-госу-

дарства «ностальгическими фикциями» (консультант Гарвардской школы Кен Омаэ) и утверждают, что «сама эпоха национальных государств близка к своему концу».

Действительно, возможности нации-государства подрываются такими проявлениями транснациональности и глобализма, как формирование международных финансовых рынков, интернационализация бизнеса и капитала, появление глобальных открытых информационных сетей, самоопределение новых наций, резко увеличившаяся мобильность населения, неделимый характер многих угроз безопасности, глобальные проблемы современности и т.д.

Возникает парадоксальная ситуация: глобализация в одно и то же время повышает требования к политике национального государства и сужает его возможности. Стремясь обеспечить конкурентоспособность «своих» транснациональных корпораций (ТНК), сохранить в стране капитал и рабочие места и привлечь новые инвестиции, правительства снимают с них социальную ответственность и тем самым способствуют снижению реального уровня заработной платы, сокращают социальные программы, разрушая в Европе знаменитое «социальное государство» и проявляют недопустимое в условиях глобализации невнимание к вопросам защиты окружающей среды. Ключевой проблемой становится *слабая управленческая способность* государства (state capacity), определяемая как «способность государственных организаций формулировать всеобщие правила и внедрять их в политику, управление, экономику и общество с минимальными отклонениями от политических намерений». В то же время, еще никогда капитал не был до такой степени освобожден от социальной ответственности и обязательств перед обществом и государством.

Таким образом, закон прибыли подрывает устои национального государства, которое, в свою очередь, вынуждено постоянно заниматься «экономической политикой», однако национальное государство – это и основа существования либеральной демократии. Опыт свидетельствует, что действует отрицательная корреляция как между падающей управленческой способностью государства и экономической эффективностью, так и между падающей управленческой способностью государства и демократией. Значит, проблематичным в новых условиях становится и сохранение демократии. В результате проблемы умножаются, а способности национальных институтов справиться с ними сокращаются.

Изменение роли государства в экономике и в функционировании важнейших для жизнедеятельности общества элементов инфраструктуры стало доминантой совпавших неолиберальной и неоконсервативной революций последних двух десятилетий XX века. Приватизация – таков универсальный инструмент, с помощью которого происходит вытеснение государства из важнейших сфер общества. В рамках так называемого «Вашингтонского консенсуса» произошел разрыв с либеральной традицией XX в., усматривающей в государственном вмешательстве гарантию поддержания либерального правопорядка в общественной жизни. Целью приватизации является коммерциализация сфер, которые «освобождает» государство, что, согласно рецептам экспертов МВФ и ВТО, только и обеспечивает интеграцию в систему глобальных рынков. Как пишет польский, английский социолог, профессор Университета Лидса З. Бауман: «Слабые квазигосударства легко низвести до уровня местных полицейских участков, обеспечивающих минимальный порядок, необходимый для бизнеса: при этом можно не опасаться, что они смогут эффективно ограничить свободу глобальных корпораций» [6.99-100].

Именно эта связка приватизации и коммерциализации, составляющая действительный механизм процесса экономической глобализации, в результате ведет не только к «ослаблению» национального государства, но и к разрушению сложившихся институтов гражданского общества. Коммерциализация общественных благ и услуг усиливает социальное неравенство и ограничивает, в частности, возможности для

каждого человека получить качественное образование или доступ к информационным ресурсам через систему Интернет. Приватизация резко сужает область общественных дел, непосредственно затрагивающих каждого гражданина, ведет, в конечном счете, к тому, что частные интересы граждан, вытесняют на периферию общие интересы гражданского общества. «Одно из важнейших последствий глобальной свободы передвижения заключается в том, что воплотить общественно значимые проблемы в эффективные коллективные действия становится все труднее, а то и просто невозможно... Agora – место встреч, споров и диалога между индивидуальным и общим, частным и общественным, опустела», – заключает Зигмунт Бауман [7.137].

Круг замыкает рыночный фундаментализм, который, несмотря на все клятвы в приверженности либеральным ценностям, остается – пусть даже и чрезвычайно изолированной – разновидностью фундаментализма, в котором, в частности, финансист, инвестор и филантроп Дж. Сорос, извлекая уроки финансового кризиса 1997–98 гг., увидел новую опасность для демократических ценностей «открытого общества».

Таким образом, основным конфликтом рубежа тысячелетий стало столкновение между дезинтеграцией и снижением эффективности и демократичности национальных государств (и всей международной системы государств) и растущей экономической, культурной и политической глобализацией.

Однако глобализация не означает, что национальные государства исчезают или становятся менее важными. Скорее, она требует, чтобы они трансформировали свою роль в свете необратимых технологических реалий. Поэтому критически важно определить, как государства, международные институты и корпорации должны приспособляться к спектру вызовов, порожденных глобализацией, включая появление все более быстрых и потенциально взрывоопасных финансовых потоков, зарождающегося транснационализма и усиление неравенства между богатыми и бедными как на внутригосударственном, так и на внегосударственном уровне. «Проблема состоит не в самом ослаблении национального государства, а скорее в том, что до сих пор крайне мало сделано для заполнения образовавшегося вакуума власти» [8.196].

Многие политологи говорят о растущей неспособности национальных государств адекватно реагировать на новые вызовы современности. Под сомнение ставится сама система международных отношений как межгосударственных, поскольку процессы глобализации подрывают суверенитет национальных государств.

Немало дискуссий посвящено роли Транснациональных корпораций (ТНК) в современном мире и их негативному влиянию на национальное государство. Действительно, ТНК успешно используют преимущества глобализации и противоречия между национальным и международным правом. Однако не следует преувеличивать роль ТНК в ослаблении государственного суверенитета. ТНК в периоды стабильности субъективно стремятся уменьшить роль национального государства, но во времена кризисов обращаются именно к нему за поддержкой.

Имеется целый ряд и других не менее существенных оснований, позволяющих утверждать, что национальное государство в условиях глобализации не утратит своего значения. Не следует, в частности, игнорировать тот факт, что существует объективная потребность сохранения национального государства как центра консолидации и развития культуры, самобытных политико-правовых черт и поддержания национальной идентичности. В подавляющем большинстве стран именно государство продолжает оставаться несущей конструкцией национальной идентичности. Так, например, народы Кыргызстана и других стран Центральной Азии веками стремились к обретению собственной государственности, и для них национальное государство представляет особую ценность.

Государства были и останутся главными игроками в международных делах, хотя природа их функционирования может в какой-то степени измениться. Глобализация

не "закрывает" институт государства, не ведет к его отмиранию, но выставляет государству гораздо более высокие требования, диктуемые интересами поддержания международного мира, стабильности, безопасности и развития. Она вписывает государство в гораздо более сложные структуры международных отношений и их регулирования, ставит перед ним требования социэкономической состоятельности и практической международной ответственности за свои внутренние действия. Решать такие задачи способно только дееспособное и эффективное, а значит, профессиональное, некоррупцированное, экономически состоятельное государство. Государства, не способные отвечать новым требованиям, оказываются перед возможностью потери внутренней и международной легитимности.

Литература

1. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004.
2. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001.
3. Волков И.В. Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана). – Бишкек, 2007.
4. Cooper Robert. The Postmodern State and the World Order. - London, 2000.
5. Турсункулова Б. А. Перспективы развития постсоветских государств Центральной Азии в глобализирующемся мире. – Бишкек, 2006.
6. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. - М., 2004.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
8. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. - М., 2004.